

Социологическое наследие: документы, публикации

Мы продолжаем публикацию творческого наследия выдающегося русского мыслителя, ученого, философа и социолога Сергея Николаевича Булгакова. С рукописью «У стен Херсониса» советские читатели не знакомы. Написанная в 1922 г., она никогда не выходила ни в СССР, ни (по нашим сведениям) за рубежом. Несколько слов поэтому надо сказать о предистории вопроса.

В июне 1918 г. (на Троицу) С.Н. Булгаков был рукоположен в Даниловском монастыре в Москве. Иначе говоря, он стал священником. До своего отъезда в Крым он жил на Зубовском бульваре и в храме Всех скорбящих Радость, что на Б. Ордынке, совершал богослужения. Его духовным наставником стал отец Павел (П.А. Флоренский). Именно принятие церковного сана навяло С.Н. Булгакову мотивы «У стен Херсониса». Однако написано данное произведение не в Москве, а в Крыму, в Ялте. Как и почему он там оказался?

Вскоре после рукоположения (приблизительно в конце июня — начале июля 1918 г.) С.Н. Булгаков решает выехать в Крым для свидания со своей семьей. Он предполагал пробыть там месяц и сразу же вернуться в Москву. Однако судьба распорядилась иначе. Под Курском ему все-таки удалось пересечь фронт и благополучно добраться до Крыма. Прошел месяц, и С.Н. Булгаков попытался возвратиться в Москву через Киев. На этот раз пересечь фронт он не смог и вернулся в Крым, где остался до начала 1923 г., после чего выслан большевиками за границу. Мотивы выезда в Крым по-человечески понятны: С.Н. Булгаков получает известие об обстреле большевиками Ялты, где находится его семья. Тревожась за ее благополучие, он и покидает Москву, куда ему больше не суждено вернуться.

Связь с религией у С.Н. Булгакова оставалась глубокой еще до принятия официального сана. В работе «У стен Херсониса» автор прослеживает исторический путь русского православия, его взаимодействие с Византийской и Римской церковью, сопоставляет точки зрения западников и славянофилов. И все это пропускает через призму своего священнического опыта. Херсонес (в другой транскрипции — Херсонис) — место крещения киевского князя Владимира (987 г.). Исторически город возник в качестве греческой колонии и являлся частью Северного Причерноморья. Фактически Херсонес был местом возникновения древнего христианства на Руси. Символическое значение образа Херсонеса вовсе не случайно в произведении С.Н. Булгакова.

В «Автобиографических заметках», написанных в 1942 г., а изданных в 1946 г., С.Н. Булгаков в главе «Моя жизнь в Православии и священстве» утверждает, что Церковь, как тело Христово, конечно, не совпадает с вероисповедными границами, т.е. не замыкается в рамках православия. «Истинные христиане существуют во всем христианском мире. Эту христианскую близость и вселенское общество во Христе я опытно познал в экуменическом общении»¹.

Вопрос о религиозной направленности воззрений С.Н. Булгакова принципиально важен для правильного уяснения публикуемой ниже работы. Совершенно отчетлива его симпатия к католицизму. Описывая историю возникновения «У стен Херсониса», автор так характеризует свою мировоззренческую позицию: «Я должен поведать о своем искушении в страдные дни своего крымского сидения под большевиками во время самого разрушительного гонения на Церковь в России. Перед лицом страшного разрыва церковной организации под ударами этого гонения, так же, как и внутреннего распада, выжившего в возникновении "Живой церкви" (обновленческое течение — *Ред.*), я испытал чувство страшной ее беззащитности и дезорганизованности, неготовности к борьбе... Под совокупным впечатлением церковной действительности, как и моего собственного изучения, я молча, никому не ведомо, внутренне стал все более определяться к католицизму (этот уклон моей мысли и выразился в ненапечатанных, конечно, моих диалогах "У стен Херсониса". В это время произошла моя высылка за границу (в 1923 г.)»². Впоследствии Булгаков не раскаивался

¹ Автобиографические заметки протоиерея Сергея Булгакова. Париж: YMCA-Press, 1946. С. 46.

² Там же. С. 48—49.

в своем увлечении католицизмом, считая его «диалектически неизбежным этапом своего церковного самосознания»³.

Он не являлся апологетом папизма (непогрешимости Папы). С.Н. Булгаков вовсе не смешивал с папизмом католицизм и православие, будучи независимым от ортодоксальных трактовок православия и католицизма.

Журнал благодарит старшего научного редактора Издательского отдела Московской Патриархии В.А. Никитина за любезно предоставленный текст. В редакцию он поступил неоконченным.

© 1991 г.

С.Н. БУЛГАКОВ

У СТЕН ХЕРСОНИСА

Jaltica De profundis

Ялта 12/25. IV. 1922

ДИАЛОГИ.

I. Чаадаевское.

Участвующие: Беженец, Светский богослов, Ученый иеромонах, Приходский священник.

(Лунная ночь в Крыму у Черного моря, близ Херсонских раскопов, ввиду Херсонисского монастыря. Вдали очертания мыса Фиолента, по преданию место жертвенника Артемиды.)

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ (задумчиво): Какая святая земля. Даже страшно ступать по ней. Во всей России нет места более древнего и священного. Здесь залегло несколько пластов античной культуры, перед нами вскрытых, здесь и родилась духовно наша родина, в этом храме хранится купель св. Владимира. И как трудно связать эти истоки России с теперешним потоком грязи и крови...

БЕЖЕНЕЦ (медленно): Да, тут говорят самые камни, и это молчание веков полновзвучнее всего теперешнего гама, оно повелевает внять ему... Таинственная воронка, которая ведет в центр земли, для России находится здесь и, вопреки вам, одна только мысль и владеет теперь моим сознанием, что только здесь и отсюда можно уразуметь происходящее... Ключа к трагедии России надо искать не в Петербурге, не в Москве, не в Киеве, но... в Херсонисе: здесь совершился «пролог в небе», и «потоп», как вы выразились, предопределился тоже здесь.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ (раздраженно): Я знаю, что вы вообще любитель парадоксов и всегда находитесь в погоне за острыми умственными ощущениями, не удивлюсь, если в данном случае услышу какое-нибудь «новое слово» о нашей раздранной России, так легко о ней острословить, да еще безответственно.

БЕЖЕНЕЦ: Вы рассердились на меня, не выслушавши. А что же, если новое время и новые события требуют на самом деле новых слов и новых мыслей. И я действительно чувствую всем своим существом, что не в юном Петрограде, не в новой Москве, не в молодом Киеве, вообще не в местах

---

³ Там же. С. 49.

последовательного жительства исторического новорожденного постепенно подраставшего, можно увидеть его звезду, но именно здесь, у этих древних стен Херсониса. Все это так таинственно, что кружится голова и порой топчется сознание, здесь ли в этом ли мире мы находимся.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ (ворчливо): Обычное сгущение атмосферы и мистической фразеологии: очевидно подготавливается умственная пикантность или идейный трюк... Происходящее в России насквозь понятно и отнюдь не требует археологических путешествий под Херсонис или ночных поездок верхом на осле в Фиоленту. Здесь приятно погулять при луне, полюбоваться развалинами и подышать морским воздухом, но и только: археология не станет историей. Теперешний кризис России есть банкротство петербургского периода русской истории с его изменой исконным русским началам: интеллигентщина, протестантизм, абсолютизм. Медный всадник — вот и загадка и разгадка теперешнего кризиса России.

БЕЖЕНЕЦ: Стало быть, духовное возвращение в старую Москву, реставрация, исторический рецидив, — в этом вы все еще видите спасение. К счастью или несчастью, рецидив в истории невозможен, и теперь мы вернулись не в Москву «третьего Рима», но «Третьего интернационала», — поучительное и многозначительное сопоставление...

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: «Третий Интернационал» это преходящая болезнь, которая завтра перейдет и забудется, а основа русской — исторической жизни — русское православие — есть и пребудет и новым воссияет светом в будущей новомосковской Руси. А вашу мысль я продолжаю не понимать: причем здесь Херсонис, кроме, конечно, того, что он сейчас представляет для нас такую художественную раму для морского вида и, конечно, есть место священных воспоминаний.

БЕЖЕНЕЦ: Не рама и место воспоминаний, Херсонис есть для нас самая живая современность, здесь шевелится конец исторической цепи, которая кончается нашими днями, здесь она начинается и мистически приклепена. Будем понимать русский кризис не из Петрограда, не из Москвы, не из Киева даже, понять его нужно из Херсониса.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ха-ха-ха. Корни большевизма в Херсонисе. Не чрезмерно ли это даже и для нашего остроловца.

БЕЖЕНЕЦ: Не будем сразу же вульгаризировать мысль. Большевизм — духовно есть *<пропуск в оригинале>* историческая грязь и муть или, самое большое, симптом, хотя конечно, очень важный и выразительный, исторического кризиса России. А самый кризис надо понять из Херсониса, — или же совсем его нельзя понять.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Хотя теперь приходится припоровняться ко всяким новинкам, но я ничего не понимаю.

БЕЖЕНЕЦ: Согласитесь, однако, что теперь переживаемый кризис по своему объему, смыслу, значению, представляет собой самый глубокий во всей русской истории. Эта история знала, конечно, ряд исторических кризисов, из которых каждый наступал тогда, когда изживалось какое-либо историческое начало жизни и история мучилась новыми родами. Все эти кризисы, по своему свойству нашей истории, были страшны, кровавы, дики. Но они были ограничены. Таким кризисом было татарское нашествие, которое было облегчено и усилено удельными распрями: тогда была угроза физическому существованию России, но и только, духовный организм оставался почти незатронутым, и иго было сброшено при наступлении времени. Второй кризис — Смутное время, испытание новой московской государственности, сочетавшей самый свирепый деспотизм с византийскими преданиями и притязаниями, это был кризис Москвы, как «Третьего Рима». Однако, как ни оказался он глубок и продолжителен благодаря широте социального брожения, он был кое-как преодолен, если не изжит. Политический наш челн

заштопали, и он проскрипел около века: место старомосковских царей, собирателей Руси, заступили Романовы, ничем в существе от них не отличавшиеся. Новый, гораздо более страшный кризис, не только политический, но и религиозно-культурных основ России наступил с Петра Великого, точнее, при Петре, ибо, конечно, великий преобразователь его не выдумал, только выявил. Медный всадник совершил европеизацию России, как умел, и фактически разрушил «Третий Рим», просто его покинув. И русская жизнь повисла над пропастью, как конь его всадника, готовая ринуться туда. И вот теперь она ринулась и сорвалась... Но откуда она ринулась, какова эта скала, на которой она утверждалась и стояли задние копыта медного коня. Да, она и есть меловая скала вот этого самого Херсониса, где мы с вами находимся, здесь кратер русской истории, отсюда расходятся и волны русского землетрясения.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ничего, ничего, ничего не понимаю в этом словоизвержении нео-Херсонисского кратера... Знаю твердо одно, что здесь, где вы видите вулкан, воссиял свет христианской веры для русского вождя, а в лице его для всего русского народа. Здесь для него воздвигнута лестница к небу, здесь Руси чистая купель, здесь духовная колыбель русского народа. Отсюда началось для него историческое бытие, из варварского, дикого, свирепого, наводившего ужас на все соседние народы, а в этом числе и на византийцев, которые не раз спасались ведь чудом милости Божией от русского огня и потока, родилась «Святая Русь», воссияло русское царство. В этом смысле только и могу понять вашу мысль, что отсюда идут корни всего благого, творческого, оживотворяющего в нашей истории. А иных сил, кроме религиозных и христианских, она, конечно, не знала и не знает.

БЕЖЕНЕЦ: Кажется, мы начинаем приближаться к взаимному пониманию. Согласимся, что великие события должны иметь и великие причины, из которых они только и становятся понятны, осмысливаются для нас триждывеличайше, это здесь кризис всей русской истории, какого еще не было за все время существования всего русского народа. А если только согласитесь со мною в этой оценке происходящего, его важности и удельного веса, то неизбежно станете искать для него объяснение только в самых исходных началах истории, то есть в Херсонисе. Всякое другое объяснение будет мало и недостаточно перед грандиозностью совершающегося: кризис Петровской России, кризис монархии, кризис социальный и пр. — все это малость, которая не могла бы не породить происходящего. Вы знаете поверие, что в колыбель новорожденному феи кладут свои подарки, и разные это бывают подарки. Астрологи учат, что в момент рождения объединяются благие и злые лучи светил в данной их констелляции. И Русь при крещении получила свои дары вместе с излучениями созвездий. Вот и надо всмотреться в эти исторические дары, что они в себе содержат.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Это ясно, что здесь получила Россия: она получила чистое, святое православие от его родины вместилища и хранилища, от Византии. Чистота веры, — вот наши колыбельные дары и вот наше созвездие. Ни один народ не получил при рождении столь прекрасных, чистых и ценных даров. Но поскольку сейчас в России происходит кризис веры, стало быть, христианства, постольку, пожалуй, и возможно говорить о кризисе Херсониса, но это есть вместе с тем и кризис жизни, ибо твердо верю, что нехристианская Россия исторически существовать не может и не будет, поэтому ей надлежит или преодолеть эту смертельную болезнь, изжить свой кризис, или исторически умереть.

БЕЖЕНЕЦ: Иначе говоря, вы говорите о кризисе России, а не Херсониса, я же разумею вполне точно и ясно кризис именно Херсониса, то есть Херсонисских начал, а не самой России. Должен вам сказать, что хотя

много богоборческого, а еще более просто скотского обнаружила «великая» русская революция, но кризисом христианства вообще, ни даже кризисом русского христианства она не является: слишком много чести для нас, и хотя другие, предшествовавшие революции не проявляли такой звериности во всем, а в том числе и в отношении к вере, но по существу они были духовно куда ядовитее, и, конечно, сильнее. А потому я не могу видеть и смертельной опасности в этих острых пароксизмах звериного бешенства у народа, в котором всегда жил этот зверь. Стихийной, зоологической силой перепрет он и через революцию. Весь вопрос в том, будет ли у него духовная основа для новой жизни. А вот эти-то основы явно изветшали. Это я и зову кризисом Херсониса.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Вот этого-то вашего разграничения я не понимаю и не принимаю. Кризис христианских начал в русской истории, насколько о нем можно говорить, есть кризис самого христианства в его чистоте, ибо иного христианства, кроме Херсонисского, то есть православного, грекороссийского, я не знаю.

БЕЖЕНЕЦ: Стоя на такой точке зрения, вы неизбежно должны видеть в русской революции одно только богоотступничество и никаких положительных начал, никакого оправдания. Это — бунт черни, отравленной завистью и злобою, развращенной демагогией, с реками крови и грязи. Революцию никак нельзя осмыслить, раз только при свете самой мрачной и безнадежной эсхатологии, как смертные судороги разрушающегося мира. И остается одна безнадежность при отсутствии всяких исторических перспектив.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Так безнадежно я еще не смотрю, потому что вижу в революции по преимуществу кризис петербургского периода русской истории, и нас может еще спасти и оздоровить возвращение к национальным началам. Правда, болезнь принимает все более затяжной и угрожающий для жизни характер.

БЕЖЕНЕЦ: Всякая болезнь опасна для жизни, это еще полбеды, насколько это в порядке вещей, лишь бы самая-то болезнь была болезнью роста, а не упадка и истощения. И вот я не знаю, как вы мыслите относительно своих «национальных», то есть старомосковских начал: ведь по вашему выходит, что однажды в истории они уже провалились, когда «пред новою столицей склонилась древняя Москва», а уж как теперь в «интернационале» собирать и осуществлять их, это секрет изобретателя.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Неуместная ирония: разумеется, если мерить теперешними «искателями жемчугов», так ничего, кроме спекуляции в России и ждать нечего. Но схлынет же эта грязная волна, и в отстоявшейся жизни засияют все те же, прежние начала: православие и народность. Но вы-то что хотите сказать, говоря о кризисе Херсониса.

БЕЖЕНЕЦ: То и хочу именно сказать, что теперь происходит самый глубокий и всесторонний кризис всей русской жизни, самых ее основ духовных, и в отношении к нему подчиненное и производное место занимают все частные кризисы, бывшие наши революции сверху ли, или снизу. Теперешний кризис все их в себя включает и собою обобщает. Надо быть послушным гласу Божию, внимать мудрости событий и вычитывать в них суды Божий. На весах правды Божией всмешивается ныне правда и неправда всего исторического пути России, а не отдельных исторических эпох, — дар Херсониса.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Да что же вы, наконец, разумеете под этими дарами, кроме чистоты православия.

БЕЖЕНЕЦ: Извольте, я вам объясню, только заранее прошу терпения и самообладания. Да, в Херсонисе мы родились духовно и исторически, ибо приняли православие, точнее христианскую католическую веру, сдела-

лись ветвью единой вселенской Церкви. Этим мы не только родились для вечной жизни, но и определились к историческому бытию, как часть единой христианской Европы, в которой имела закечься христианская культура. Россия зародилась здесь как христианская европейская страна, имеющая свои особые судьбы, которые, однако, нераздельно связаны с судьбами всей христианской Европы. Варварское отъединение окончилось, дикая «Русь» стала членом христианской семьи народов, она получила христианское родство и свойство, вчерашний язычник и варвар стал **homo christianus**, а перед лицом таинственного и тогда еще туманного будущего это значило и **homo europaeus** и это тем более, что тогда не было еще разных исповеданий в христианстве.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Зачем вы смешиваете карты: разделение востока и запада было уже и тогда, и по воле Божией наше отечество приняло именно восточное православие.

БЕЖЕНЕЦ: Именно к этому я и подхожу, к Херсонисским началам. Россия, действительно, приняла христианство от Византии, она сделалась ее духовной и культурной дочерью, а во многом и наследницей. Почему кризис Херсонисских начал есть, разумеется, кризис Византийских начал, точнее, византийского православия, как силы духовной, исторической и культурной. Если угодно, это действительно кризис — да и явная погибель «Третьего Рима» через 7 веков после погибели «Второго». Но здесь обступает такое обилие волнующих мыслей, что положительно теряешься, с чего начать и к чему подойти. Итак, в Херсонисе Россы в лице св. Владимира приняли христианство восточного, византийского обряда, который в течении веков сделался для нас родным и русским. Разделения церковей, этого самого рокового и определяющего события во всей европейской истории, еще не существовало, но густая тень его уже надвинулась и омрачила солнце. То было время между Фотией и Михаилом Керулларием, родоначальником и совершителем раскола. Св. Кирилл и Мефодий, просветители славян пребыли в единении с западной Церковью, и мощи одного из них почивают в Риме, но просвещенные ими страны сделались игрищем соперничества, куда излился первый яд совершившегося раскола. Итак, Россия была присоединена к единой Церкви, до схизмы; вне схизмы, в которой она не повинна, ее не знала, не понимала, не могла понять и однако ею была отравлена. В детском состоянии она была обучена всем предрассудкам, какие накопились у Греков против Запада, и как наследственная болезнь была воспринята эта вражда и предубеждение безо всякого сознательного отношения к тому. Вместе с принятием христианства от Греков в этот роковой и страшный час истории Россия приняла и всю византийскую замкнутость и ограниченность, она китайской стеной оказалась отделена от всей западной христианской Европы, культурно она осталась изолирована и одинока, особенно после политической смерти Византии, когда последняя перестала существовать, как культурная сила, да и донныне, со всем православным Востоком, остается только придатком к России. Россия была здесь, в Херсонисе, поставлена под стеклянный колпак на испытание одиночества и отъединения. Разумеется, никто не мог тогда прозреть судьбы Божией и постигнуть все значение совершившегося выбора веры, который летописец приписывает вел. кн. Владимиру. Но здесь, в этом выборе, исторические судьбы России определились как трагедия, трагедия культурного одиночества и обособления, как крестный путь. Да, это античная трагедия, в которой трагическая вина совершилась помимо чьей-либо личной воли и однако все предопределила: западные народы в то время еще полуварварские и высокомерно третируемые высокомерными Греками, постепенно из себя, развивая свои христианские потенции, шаг за шагом создавали могучую цивилизацию,

затрачивая на нее все свои духовные силы, со всем их борением. Россия осталась вне этого труда и этого общего борения, наследница и ученица Византии. Никогда отношения к ней Византии не были теплы, искренни, сердечны, но всегда холодны, высокомерны, бездушны. Раньше Византия боялась и презирала диких и страшных Россов, как и других варваров, а затем их эксплуатировала как только могла. Различие культурного возраста между ними было так велико, что исключало всякую мысль о дружеском сотрудничестве, о котором, впрочем, Византия не хотела слышать, даже и относительно Запада. Византия обладала уже склонявшейся к упадку переутонченной цивилизацией, совершенно развращенной и изолгавшейся магистратурой и высшей иерархией, в расцвете византийского схоластического просвещения, которого одним из самых ярких представителей был роковой для всего мира Фотий. Разумеется, дикие Россы могли быть только неуклюжими перенимателями внешности византийского обряда, столь пышного и прекрасного, совершенно неспособны были воспринять греческую культуру, поневоле принимая цветы ее — в богослужении. А Греки были, к тому же, плохие, равнодушные и ленивые, главное же слишком корыстные педагоги. Они были заинтересованы во власти и доходах, а не в душах и их христианском просвещении. Поэтому русское христианство на долгое, долгое время обречено было на обрядоверие, причем пышный, веками сложившийся греческий обряд, доведенный до совершенства в Велико-Константинопольской Церкви, был, в сущности, совсем не по средствам, и материально, и духовно, дикарям русским, и тогда уже положено было начало тому внешнему христианству, которое за обрядом оставляет нетронутой всю звериную, языческую стихию, которая через более чем 1000 лет после крещения Руси ныне предстала пред нами как будто не бывало ни Киева, ни Херсониса... Да, Греки дали нам невероятные ценности своего гения в греческом богослужебном обряде, но ценить его не научили, да и не могли научить. В Россию были посланы греческие епископы и священники, и несколько веков Россия была византийская епархия, имевшая в византийском патриархе своего папу, ибо, конечно, притязания Фотия и Фотианцев к этому византийскому папству, впрочем, пресмыкавшемуся перед императорской властью, долго и сводились. Будь на месте Греков другие, напр. «Латиняне», с их ревностью, умением, энергией, разумеется, дело христианского просвещения в России приняло бы иные черты, и Россия, быть может, оказалась бы действительно христианской просвещенной страной. Но Греки к этому не были способны. Они оставались чуждыми в России, и с татарским нашествием связь с Византией стала ослабевать, пока, наконец, не удалось от нее откупиться. После падения Византии восточные, а в частности, и константинопольские патриархи превратились в настоящих «милостынособирателей», которые за мзду были на все готовы и играли иногда в русских делах самую печальную и двусмысленную роль, напр., в истории русского раскола.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ба-ба-ба... так вот кого мы слышим: сам Чаадаев, со своим новым изданием — Вл. Соловьевым, ныне снова нас поучают. Старые знакомые. Вот уже правду говорят, что новому не научаемся, а старое не забываем, а уж если что только и достойно одного забвения, как вот эта чаадаевщина ваша... Гонение на византизм, что значит видеть свет...

БЕЖЕНЕЦ (горячо): Если в небесах трубят апокалиптические трубы, гремит гром и звучат голоса, им нужно внимать и себе самому, а не старую литературную жвачку отрывывать и пережевывать. И знайте — хотите слушайте, хотите не слушайте — но все, что вам говорю, родилось не из книг, а от слезных дум, от ночей бессонных родилось в душе как но-

вое рождение, как чудо: в сие лето Господа, от Р. Хр. 1922, в ночь на октября 4-го, была на мне рука Господня, и повелел мне Господь возвещать волю Его, и в такой степени неожиданности для себя самого, в такой отвратности от всего привычного, что трепетал я и извивался как червь перед лицом Божиим. Но словно новый свет пал на ветхие писмена, и по-новому уразумевался смысл их и читалась книга чудес Божиих... Причем здесь литературные влияния; да разве у нас остались литературные величины и авторитеты, которые бы не обесценили и не поставили под вопрос революцию?

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ах, мне эти пророки и ясновидящие, и чего только именем Божиим не возвещают они, иногда чтобы самим же немедленно от того отказаться. Аввакум все свои темные бредни именем Божиим пророчествовал. А все-таки Чаадаев и Соловьев в ваших словах повторяются.

БЕЖЕНЕЦ: Пусть и так, худого в этом ничего нет и отречься не буду. Итак, Россия сначала попала под власть и под гипноз Византии, а затем, когда она развалилась, подросшая и государственно осознавшая себя, Россия стала сама притязать на роль Византии, объявила себя «Третьим Римом». Злые чары сохранили свои силы вполне, и только по-новому распределились роли. А знаете настоящее имя этим чарам. «Грекороссийство», в котором сначала жирными буквами печаталась первая часть: греко, а мелкими Российство, а затем стало наоборот: крупно — Российство и мелко — греко. А суть та, что Церковь вселенская или католическая, есть только греческая или только российская Церковь. Только и Россия чистое православие, то есть христианство, только русские православные, то есть христиане («крестьяне»), «Святая Русь». Вот это-то опаснейшее отождествление вселенского и местного, церковного и народного, которое в букете своем и дало пресловутое соединение национальных начал: православие, самодержавие и народность, оно и создало невыносимо душную атмосферу Московской Руси — Третьего Рима. При низком уровне развития религиозного сознания, догматические вопросы были почти не под силу «Третьего Рима» и его религиозная энергия могла вылиться только в области обрядоверия и породить раскол, в котором одинаково характерны отношения обеих сторон: и та, и другая чистоту православия связывают с условностью изменчивого обряда. И это в то время, когда Европа, имея уже позади изумительные подъемы средних веков, работу схоластики, Данте и Фому Аквината и под., вступила в эпоху возрождения и напряженнейших реформационных споров о вере. Ведь в одном артикуле любого реформатского исповедания было больше догматической глубины и церковности, нежели в этих бесконечных обрядоверческих пререканиях. И при этом роковая византийская замкнутость и сомнение: мы — «Третий Рим». Иван Грозный, как наместник византийских кесарей и, в качестве православного царя, глава православного государства всего мира, — таков чудовищный парадокс русского церковного самосознания. Но суды Божий ответили на эту дерзость сынов человеческих карами и испытаниями смутного времени. Однако, и после этих испытаний в русскую жизнь не вошло ничего нового, вернее, восстановились излюбленные вами национальные начала, а в сущности все осталось по-старому, об этом свидетельствует хотя бы все движение раскола, в связи с характерными притязаниями патриарха Никона, который, силой вещей, внутренней логикой «грекороссийства», подменяющего собой вселенское церковное сознание, в сущности, притязал подобно и своим византийским образцам, стать русским папой. И это, конечно, неличное только властолюбие, но логика патриаршеской русской власти вела к этому, по справедливой оценке Петра Великого.

Но все равно *мене-текель-фарес* для «Третьего Рима» было уже начер-

тано, Россия московских царей, и Никона, и Аввакума на историческом экзамене провалилась, она уже не могла существовать. Развалилась бы как Византия, если бы не сошла со своего духовного пути, не отказалась от своего «грекороссийства», от «Третьего Рима». Россия не могла существовать изолированно от Западной Европы, Херсонисский колпак должен быть разбит, и его разбили копыта Медного Всадника. Реформатор России, упразднивший патриаршество и заменивший его коллегией, был и реформатором в смысле духовном. Реформа Петра была действительно русской реформацией, не потому только, что она фактически поставила Россию лицом к лицу именно с реформацией, но именно потому, что Петр фактически разрушил «грекороссийство», он сделал Россию одной из многих, а не той единственной, «Третьим Римом», каким она себя осознала. И сам он при этом стал из «православного царя» «всероссийским императором», то есть секуляризовал свою власть. Вообще, хотя догматически Петр не провозглашал никакого нового догмата — наша мысль была слишком неразвита для догматических споров — но жизненно он насаждал в России протестантизм, религию повседневного труда, земных задач и временных дел без всяких духовных перспектив. И с этим протестантизмом жизни, а не мысли, так и справилась, даже больше скажу — и не боролась русская Церковь, капитулировавшая перед врагом раньше. Но есть в делах Петра, помимо протестантизма, еще и другое начало, в котором он является орудием Высшей Воли, органом вселенского церковного сознания. В его решительном повороте к западной христианской Европе выразилось и чувство вселенской христианской Церкви, заглушенное в грекороссийстве. Петр проломил Херсонисскую ограду, воздвигнутую вокруг русской Церкви Византией. Правда, он не открыл в ней врат, не знал их и не мог, не умел этого сделать, но он сумел внять велению истории, что часто и делает великого человека. С грекороссийством было покончено, однако только фактически, идеологически все осталось нетронутым, а потому, кажется, и незбылемым.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: И остается незбылемым и поныне, ибо то, что вы изволите теперь называть «грекороссийством», есть православие, которого, по непреложному обетованию Спасителя, не одолеют врата адавы.

БЕЖЕНЕЦ: Этот вопрос мы пока оставим, теперь мы говорим о Херсонисе, как мы изживаем этот порок <...> при крещении: «грекороссийство» в качестве вселенскости, иначе говоря, церковный национализм или национальная Церковь. И отсюда, как из духовного центра, надо понимать все особенности русской истории, как бы далеко они, казалось, ни отстояли от Церкви или находились в диалектической противоположности с нею, как, напр., протестантская реформа Петра. Вот и интеллигенция наша космополитическая, в которой вы видите главное зло и несчастье России, и она имеет свои духовные истоки в том же Херсонисе, хотя и сама о том не подозревает...

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Новейшее открытие, — поздравляю. В вечной погоне за пикантностями чего только не выдумаешь. А уж если искать эти духовные истоки российской, хотя оттого отнюдь еще не русской интеллигентщины, смотрите на карте южнее Херсониса, там у побережья Тира и Сидона, в земле обетованной. А Херсонис лучше совсем оставить в покое.

БЕЖЕНЕЦ: Даже если и ввести указанную вами этнографийскую контрабанду, которая обычно приводится под фактом интернационала и космополитизма, все равно останется вопрос о причинах успешности его влияния, которые могут быть поняты только из благоприятствующей среды. А эта среда вот-таки вскормлена и подготовлена наследием Херсониса. И чтобы быть справедливым, нужно в уродливом и жалком образе рос-

сийской интеллигенции понять и ее правду, которую она умеет выразить на своем жаргоне и осознать.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ни о какой правде в интеллигенции не может быть и речи, у этих выболтавшихся, изолгавшихся никчемных обезьян.

БЕЖЕНЕЦ: Если они так ничтожны, почему же им дано было развить такую силу, хотя бы и в разрушении, почему они оказались бациллами революции. Никто не будет отрицать, что холерная бацилла есть хотя и злая сила, но сила, которая в себе имеет запас жизненности и энергии, ее-то и надо разгадать. И мне кажется, что хотя интеллигенцию принято винить в беспочвенности, она есть явление в высшей степени почвенное, в такой мере, как породивший ее церковный национализм, то есть дар Херсониса. Она есть его тень или, по Гегелю, диалектический антитезис.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Интеллигентщина — это заразная заморская болезнь, завезенная к нам из Палестины и Европы, как сифилис и алкоголь прививаются дикарям, и только всего.

БЕЖЕНЕЦ: Я не люблю — не меньше вас — эту интеллигентщину, тупую, глупую, самодовольную, неспособную ничему научиться, и все-таки я должен признать в ней историческую силу, подобно тому, как не могу не признать ее в протопопе Аввакуме — и во всем русском расколе. И там, где закономерны Аввакумы — все равно в среде раскольников или никонианцев — там столь же закономерна и космополитическая интеллигенция, и даже больше скажу: она ближе к вселенскому христианству, нежели аввакумовщина.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Говорить об интеллигенции в религиозных терминах невозможно.

БЕЖЕНЕЦ: Напротив, необходимо, иначе как в религиозной плоскости она и не может быть понята. Судите же: вселенская религия всех языков, всенародная и сверхнародная, осознана исключительно как московское православие, «Третий Рим» (даже и греческое Православие взято под сомнение), христианская вера стала русской верой, которая должна быть соблюдена в неприкосновенности до соблюдения всякой орфографической ошибки. Судите сами: свойственно ли великому народу и его религиозному гению вполне удовлетвориться таким религиозным самочувствием и жизнепониманием или же в нем должна была с неменьшей силой подняться встречающая волна вселенского, кафолического, сверхнародного и воистину церковного сознания. Только на скверном жаргоне интеллигенции все эти великие и святые идеи быстро пропахли чесноком, который во всех случаях христианского замешательства всегда налицо, и превратились в космополитизм, интернационал, социализм и под. Инстинкт, однако, остается верным: интеллигенции суждено было нечленораздельным языком ослицы исповедать истину вселенской Церкви против националистической ереси Третьего Рима. В этом исторический смысл столкновения Петра Великого с Московской Россией и, позднее, идейной борьбы славянофильства и западничества.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Содержание этой борьбы определяется борьбой веры против неверия, христианства против безбожия, вскормленного западным протестантизмом, этим законным порождением западного же католичества. В том-то и заключается историческое наше несчастье, что мы отравляемся сильнейшими и опаснейшими ядами, в которых мы неповинны, происходит историческое братоубийство, — Каин снова убивает Авеля своими удушливыми газами.

БЕЖЕНЕЦ: Нельзя допускать себя до самоослепления враждой. Против религиозного национализма в христианстве интеллигентский космополитизм утверждает свою религиозную правду, хотя и такую же однооую. Борь-

ба славянофильства и западничества идет у нас, начиная с Херсониса, с тех самых пор, как мы приняли от Греков яд религиозного национализма или «грекороссийства» и стали по-детски, как попугаи, повторять, вслед за ними, длинные списки латинских ересей и бояться каждого западного христианина. Это отношение не то страха, не то самообороны, проходит через всю нашу церковную историю, а в идеологии славянофильства и западничества достигает своего осознания. И ведь наше западничество не нигилистами только одними исчерпывается, оно знает и Чаадаева, и Вл. Соловьева, — других лучше не буду называть, чтобы не раздражать.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Да и названные вами суть вполне определенные отщепенцы, которые, впрочем, в значительной мере покаяться в своих заблуждениях.

БЕЖЕНЕЦ: Не знаю... Вызовите мысленно тень Чаадаева и сделайте его нашим современником: захотел ли бы он отказываться теперь от «Философских писем», в которых дал такой пронзительный диагноз русской болезни. А вот положение новейших Филофеев, мечтателей «Третьего Рима», наших религиозных националистов «Третьего Рима», славянофильствующих богословов было бы совершенно безответственно, над ними уже произвела свой страшный суд история. Впрочем, не одни они, вся русская литература без всякого исключения устарела после происшедших событий, вся она принадлежит к предыдущей исторической эпохе, одинаково устарел и Герцен, и Достоевский, и Белинский, и Конст. Леонтьев, — общая участь. Нельзя повторить ни одной строй(ной) фразы или суждения без нового специального оправдания... Нам теперь не у кого научиться понимать Россию, надо своим умом жить.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Беда, коли его еще при этом нет, и он подменяется, насколько вижу, новыми книжками и новыми трафаретами. Я, впрочем, со своей стороны думаю, что духовные отцы наши, славянофилы, не умерли и не думали умирать, они живут с нами и по-прежнему учат нас и пророчествуют о России.

БЕЖЕНЕЦ: Я и не говорил, что они умерли, все,, действительно живое, никогда не умирает, и живут с нами и учат нас и наших мыслителей, но только они уже не наши современники, их мысли мы должны переводить на свой язык, они не успокаивают наши болей, да и сами выступают перед нами не только в своей духовной мощи, но и в своей исторической ограниченности. Об этом, однако, мы еще поговорим особо, а сейчас возвратимся к русскому космополитизму. Вот Достоевский в предсмертной речи о Пушкине да и много раз говорит о русском все-человеке, который жаждет обнять и соединить в себе все народы. Насколько это не есть сентиментальная мечтательность в Достоевском и насколько речь идет здесь не просто о бесхарактерности и безличии русского народа, поэтому без сопротивления подчиняющегося всякому крепкому народу (есть и это у нас, чего греха таить), Достоевский говорит здесь о вселенском христианстве, о Церкви, которая в себе объемлет все народы. Чувство церковности и есть чувство всенародности и сверхнародности. И не буду здесь останавливаться на том, насколько и как это всечеловечество в самом Достоевском сочеталось с испуганным религиозным национализмом. Но в России «Третьего Рима» для этих чувств и мыслей места бесспорно нет и не было. Но великому народу или, по крайней мере, большому народу, которым всегда был русский, несвойственно и противоестественно питаться этой национальной исключительностью, какая свойственна малым, — я не говорю уже, что христианству, как бы не было стемнено христианское сознание, это еще более противоестественно. Так чему не удивляться, если среди этого народа с неудер-

жимой силой пробивается это самосознание и, не находя для себя религиозного русла, ибо его не было в староверии «Третьего Рима», оно пытается проложить себе новое русло. И таким образом, из неустранимой потребности христианского сознания и из здорового инстинкта великого народа возникает интеллигентский космополитизм, «всечеловечность», западничество и под., — довольно уродливый, сморщенный и кислый плод на христианском древе, но разве повинен плод, если к русскому дичку была сделана, одновременно с христианской еще и «грекороссийская» прививка. Интеллигенцию теперь необходимо включить в общецерковное сознание России и понять как один из ее диалектических моментов.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Не могу на это согласиться, потому что в интеллигентщине вижу влияние и нерусских и даже нехристианских элементов. Ведь не включите же вы в наше церковное сознание коммунистического интернационала.

БЕЖЕНЕЦ: Наличия чуждых и даже нехристианских влияний и я не отрицаю, но не вижу в них существа дела, это только симптоматика, как и что. И «Третий интернационал» есть одна из многочисленных проекций на историческом экране, соглашаюсь, для нас с вами уродливая и отвратительная, — того большого, великого, даже всечеловеческого чувства, о котором возвещал и Достоевский, но для которого, повторяю, нет и не было законного исхода в вашей национальной религиозности. Именно «Третий интернационал» нагляднее, чем все другое, обличает в себе эту жажду вселенской сверхнародной Церкви: «шедше научите вся языки...». Мы забыли и разучились понимать эти слова на своем собственном языке и за это наказаны тем, что слышим их в устах чуждых, не умеем их сказать по церковнославянски, как скажем их на жаргоне с отвратительным акцентом. Тем не менее, надо понять и признать прямую связь — «Третьего Рима» и «Третьего Интернационала», Херсониса и нынешней Москвы.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Конечно, все в мире связано со всем, но не понимаю, какой вкус можно находить в этих натянутых сближениях: перед всей этой мерзостью вызывать священные и великие воспоминания...

БЕЖЕНЕЦ (с живостью): Совсем напротив, только в таком масштабе и можно, а следовательно в известном смысле, и принять современность, а не преклониться лишь перед нею, как перед силой грубого факта. Все ужасы, которые творятся и творились в России, все бедствия, которые ее постигают, все испытания, которые выпали на долю нашего поколения, все это становится, естественно, закономерно, даже необходимо, если понять это не как историческую случайность, порождение измены и злой воли, но как глубочайший кризис всего исторического бытия великого народа, вступившего уже во второе тысячелетие существования, не кризис отдельной эпохи или отдельного класса, но самых основ всего исторического бытия. Это — первый настоящий *кризис России*, в котором борьба действительно идет между жизнью и смертью, испытываются самые основы исторического существования. Так разве может быть такой глубины и такого значения кризис иным. Я до тех пор испытывал смущение, замешательство, растерянность, злобу даже, пока не понимал смысла в происходящем, пока видел в нем одно лишь историческое несчастье. И я не мог освободиться от вражды и разочарования и в самом русском народе, который делался жертвой такого озверения и всяческого падения, пока я не понял, что с ним происходит, что он переживает и почему он это переживает. Может быть, мои мнения ошибочны, хотя иначе думать сейчас я не умею. Но факт тот, что лишь теперь я совершенно освободился от уныния и для себя пережил кризис. Смотрю вперед с надеждой и спокойно, потому что вижу, если не само еще будущее, то, по крайней мере, возможность

будущего, а раньше не было и этого. А ведь как тяжело жить и без настоящего и без будущего.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Я по-прежнему не понимаю вас, но опасаясь, что вы ищете самоуспокоения в каких-то отвлеченных схемах.

БЕЖЕНЕЦ: Нелегко дается это самоуспокоение, потому что оно требует всеобщей переоценки и проверки. Ведь все мы Русские крестились в Херсонисе, получили его помазание, рождены под его звездой. Увидеть и осознать в себе свою собственную ограниченность, в том, во что привык свято верить и слепо чтить, познать только местное предание, ах, как это нелегко, но без этого нельзя от него и освободиться. Критическое время требует и героических усилий. Было время в истории, когда Бог сказал избраннику своему: Изыди из земли твоей, и от родства твоего, и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе (Быт. 12). Всего совлечься, самого близкого, дорогого, родного: преданий, родины, рода, семьи. Но таково непреложное веление Божие, и отец верующих нашел в себе силу, мужество, веру и — повиновался. Может быть, и от нас требуется подвиг Авраама: совлечься себя, увидеть себя в своей исторической ограниченности и тем себя перерастить. Ведь зерно пшеничное не даст плода, если не умрет. А разве легко умирать и умереть. Ведь мы уже давно как будто умираем. Но надо умирать как зерно, чтобы в груди дрожали силы новой, пробуждающей жизни... Изыди из земли своей и из дома своего... Знаете, что это значит. Изыди из Херсониса. Мы живем в веке всяких ревизионизмов, и многое мы уже проверили и просмотрели. Доходит очередь до самых корней: до Херсониса. Ни от Белинского, ни от Петра Великого, ни от Москвы, ни от Киева... — от Владимира Святого и Херсониса.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Это изыди, dernier cri русской интеллигенции, есть просто ренегатство, деяние Иуды. Увы! много Иуд знает теперь святое Православие в свою гефсеманскую ночь.

БЕЖЕНЕЦ: Я знаю, что многими это так только и будет понято, но истина требует жертвы, хотя бы то были разрывы самые мучительные. Но не в нашей малости дело, а в Православии. Неужели вы не видите, не чувствуете, что совершается кризис Православия. Настоящее ядро, действительное содержание «великой» русской революции со всей ее кровавой и социалистической бутафорией, мировое ее значение в том, что в ней выявился великий религиозный кризис сознания православного Востока, и надо его до глубины изжить и осознать.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Иначе говоря, бежать от Православия.

БЕЖЕНЕЦ: Бежать, это излишне, а, пожалуй, даже и невозможно, потому что Православие само бежит от нас. Уходит Православие из мира, а мы не уходим из него, вот что совершается, имея очи видети да видит.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: На это карканье врагов веры имеем твердый и непровержимый ответ: Врата адовы не одолеют. А кто пугается волн, тонет сам, но пусть не воображает, что с ним тонет мир или гибнет Православие.

БЕЖЕНЕЦ: Какое, подумаешь, открытие: не одолеют. Конечно, не одолеют Церкви Христовой в мире, а историческое Православие, которое в истории возникло, в истории же и кончается и из мира уходит. Чтобы не плодить ненужных недоразумений, скажу сейчас же, что разумею здесь под Православием не истину веры Христовой, но исторический факт: восточное христианство в образе так называемого грекороссийского исповедания. Так вот, грекороссийство окончилось, грекороссийской Церкви уже нет, хотя и остается еще историческая тень ее.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Вот вы видите перед собой херсонисские храмы, и сюда доносятся их далекие звоны, вы имеете перед собой вас слушающие

долготерпеливо, хотя и наверно с негодованием православные пастыри, и нам вы говорите, что Православие тень. Это кощунство и хула над святыней, — да и поругание очевидности.

БЕЖЕНЕЦ: Прошу меня выслушать, действительно, терпеливо, я не кушунствую и не хулю, и то что я говорю куплено таким страданием, которое вы себе и не представляете, ибо разве легко в том, в чем видел вселенское и вечное, распознать черты временного и преходящего, изыти из самого себя. Итак, я повторяю: происходит кризис грекороссийской Церкви, точнее, грекороссийства, понятого и принятого как вселенская Церковь. Этот кризис уже второй раз совершается в истории, и на это раз уже окончательно. Первый был при падении Византии, православного царства, второй при падении русского самодержавия и царской России.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Падение самодержавия есть кризис не Православия, а в Православии. Он касается только внешних условий его жизни, отнюдь не внутренних его основ. В Православии по существу все осталось по-старому и пребудет, повторяю, так до окончания век.

БЕЖЕНЕЦ: Нет, рухнули основы церковности в Православии. Оно остается, разумеется, как мистическое тело, как часть вселенского тела Церкви, но опору исторического бытия оно потеряло.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: О чем вы говорите. Если остается «мистическое тело», часть вселенской Церкви, то о какой еще опоре говорится. Существует апостольское иерархическое преемство, и это главное.

БЕЖЕНЕЦ: Это главное для мистической жизни Церкви, и я не говорил и никогда не допускал, чтобы часть апостольской Церкви могла перестать существовать, мистически умереть... Но Церковь в истории есть не только мистическое тело, но и Церковь иерархическая, воинствующая, имеющая единую волю, власть и сознание. Как бы не относиться к западной Церкви, нельзя отрицать, что там эти признаки Церкви налицо, опора и основа церковности очевидна для всех, — это власть римского папы. Что соответствует этой основе в восточном Православии.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Ничего не соответствует и не может соответствовать, потому что в истинной соборной апостольской Церкви отсутствуют черты мирского единовластия, она соборна не только в смысле кафоличности, но и собирательности, свободного единства в любви.

БЕЖЕНЕЦ: Не устраивает дела хомяковская формула, потому что находится в несоответствии и правде истории, и просто церковному учению. Православие вовсе не есть «невидимая Церковь», чисто моральный или даже мистический организм, каковым почитают его протестанты, она есть и всегда хотела быть иерархической, в канонах основанной, воинствующей Церковью. Распря с Римом имела главной причиной борьбу за власть, иерархические притязания, разное чувство воинствующей Церкви. И в этом отношении между Православием и Католичеством по существу догматического различия нет, а есть разное понимание церковной власти и разная ее организация. И никогда Православие не признавало себя и не хотело быть какой-то туманностью, собранием мелких церковных астероидов, но стремилось к единовластию, если не единоличному, то во всяком случае определенному и ясному. Органом такого единовластия в разные времена бывали как исключение соборы, вселенские и поместные, патриархи, то есть, конечно, константинопольский, «вселенский», папа Нового Рима. Но самое важное и существенное, такой скрепой Православия, высшей Церковной власти — если не догматически, то исторически — являлась императорская власть — византийских самодержцев, а затем русских царей.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Никогда Православие не замыкалось под одной политической властью, не имело одной светской главы, но представляло собой свободное единение нескольких национальных Церквей.

БЕЖЕНЕЦ: Фактически это была мелочь, придатки, которые только и могли существовать, прилепившись к большому целому, междупланетные спутники. А целое, то, что могло противопоставлять себя кованому единству западной Церкви, была, конечно, царская власть. Православие всегда было грекороссийством, сначала Византии, затем Москвы и Петербурга. А потому и гибель царской власти есть кризис Православия в его иерархических основах.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Опять выдвигается старая басня о цезаропапизме, которую пора уже начать забывать.

БЕЖЕНЕЦ: Власть императоров в Церкви, которая называется цезаропапизмом, есть непреложный исторический факт, который должен быть очевиден для всякого мыслящего человека. Об этом говорит вся история Византии, — попробуйте это отрицать. О том, какую роковую роль сыграло это обстоятельство в отношениях с Римом, у нас даже не подозревают благодаря официальной лжи и благоглупости, на этот счет в нашей семинарской литературе распространенных. А о том, как было дело в России, свежо на памяти всех.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Власть и влияние императоров в Церкви есть во всяком случае только внешний фасад, устранение которого не имеет решающего значения. Важна догматическая основа церковного единства, а таковая определяется согласием, соборностью всех поместных церквей, которая имеет свое выражение во вселенских соборах. До Константина эта соборная природа Церкви была очевидна, потому что не затемнялась влиянием светской, хотя и христианской власти.

БЕЖЕНЕЦ: Лучше не апеллировать, вслед за протестантами, к первым векам, хотя бы потому, что последние не станут первыми, и старшему возрасту не вернуться к новому. Но не так легко аннулировать влияние царской власти в восточной Церкви, сводя ее к внешнему Факту. «Внешний епископ», православный царь, почитался единым главой и покровителем всего христианского мира, он давал жизненное единство Церкви, особенно после того как она отторгнута была от своего собственного главы — римского папы. Императоры созывали вселенские соборы, и без объединяющей императорской власти вселенский собор становился лишь отвлеченной теоретической возможностью, которая еще ни разу не становилась и, конечно, не станет действительностью. Фактически восточная Церковь без царя обезглавлена.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Нам не дано ведать путей Божиих, и если нужно, Господь приведет Церковь к вселенскому собору при всех политических условиях.

БЕЖЕНЕЦ: Вы спасаетесь ссылкой на всемогущество Божие там, где должен быть дан прямой, ясный и точный догматический ответ. Если вселенский собор есть действительно орган единства и соборного сознания и действия Церкви, тогда надо указать фактические условия, наличность и возможность такого органа. А если таких условий нет, нечего и говорить о вселенском соборе, как органе такого единства. Значит, его нет, и Православие есть лишь существование в разных местах единомыслящих Церквей, между собой поддерживающих лишь слабые отношения междуцерковной вежливости, а при первом случае легко вступающие и в раскол, — пример — болгарский филетизм, свежие примеры и у нас на глазах, и в таком случае Православная Церковь обречена на автокефализм, то есть сепаратизм и партикуляризм поместных национальных Церквей, из которых каждая фактически усвоет себе польское (*puste miajasesa*) и свой собственный голос выдает за вселенский.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Вы утрируете по обычаю некоторые слабости, связанные со свободой Православия — ведь нет ничего труднее, как поль-

зоваться свободой, хотя и нет ничего выше свободы церковной, единства в любви, а не в рабстве авторитета. Но причем здесь все-таки самодержавия. Ведь издревле канонами установлено было пять патриархий, число которых, после римского раскола, восполнилось русской, и эти пять патриархов, возглавляющие поместные Церкви, были и остаются правящим созвездием в церковном небе, они остаются и доселе.

БЕЖЕНЕЦ: Как легко вы расправляетесь с канонами, и меняете список пяти патриархий по нужде и по вкусу. Где же и какими канонами предусмотрено возникновение русской, да и иных возникавших и имеющих возникнуть патриархий. Разве это не есть самодельщина автокефализма, на которой volens nolens приходится идти старейшим патриархам, если они не хотят раскола. Дробление и автокефализм есть закон исторического бытия обезглавленных Церквей, в котором центробежной силе не противостоит реальная центростремительная. Однако, вопрос сейчас не в этом, а в значении царской власти для церковного Востока. Так, вот эта-то последняя и была той отсутствующей ныне центростремительной силой, которая несмотря на все свои еретичества и насилия над Церковью связывала и поддерживала церковное единство. Догматически — защитник веры и в этом смысле глава Церкви был в некотором роде светским папой, фактически же он им вполне (sic). Императоры назначали патриархов, сменяли, вмешивались в церковную как им благорассудилось, и в этом никогда не встречали принципиального противодействия. И всей силой и полнотою своей власти они, вместе с государственным единством поддерживали и церковное, так что, пока была Византия, могло на самом деле казаться, что автокефализм преодолим, и Церковь едина, причем, у Греков всегда жило (?) античное сознание, что мир весь исчерпывается Греками, а вне их лишь варвары.

СВЕТСКИЙ БОГОСЛОВ: Но ведь пять-то патриархий существовали, и четыре-то из них находились вне влияния византийских императоров.

БЕЖЕНЕЦ: Но ведь что получилось из отношений с действительно независимой от Византии патриархией Русской, мы знаем, — роковой разрыв [...].